

ЧАСТЬ I

27 апреля 1926 года

Когда случилось чудо, Изабель стояла на коленях на краю утеса возле небольшого креста, сделанного Томом из прибитой к берегу доски. По чистому апрельскому небу плыло белое облако, и его отражение скользило по зеркальной глади океана. Женщина полила посаженный куст розмарина и слегка утрамбовала вокруг него землю.

— ...и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого, — прошептала она.

Ей вдруг почудился крик младенца, но, решив, что это проделки воображения, она перевела взгляд на стадо китов, направлявшихся к теплым водам, где беременным самкам предстояло разрешиться от бремени. На водной глади то и дело появлялись их хвостовые плавники, похожие на иглы, вышивавшие гобелен океана. Снова послышался крик, на этот раз громче — его донес порыв свежего утреннего ветра. Но этого не может быть!

С этой стороны острова до самой Африки простирались бескрайние водные просторы. Здесь смыкались

два великих океана — Индийский и Южный*, образуя гигантский ковер, огибавший крошечный скалистый остров. В дни, похожие на этот, казалось, что отливавшая синевой океанская гладь была твердой и по ней можно запросто прошагать до самого Мадагаскара. Восточную часть острова от Австралии разделяли сотни миль, и он недовольно оглядывался назад, не в силах разорвать с ней связи, поскольку являлся вершиной самого высокого пика горной гряды, пролежавшей по дну океана. Очертания острова походили на разинутую пасть с хищно торчащими зубами, готовую поглотить беззащитные суда, спешившие скорее оказаться в безопасности тихих бухт материка.

Будто заглаживая невольную вину, островок, носивший имя Януса, дал приют маяку, чей свет предупреждал об опасности за тридцать миль. Каждую ночь в воздухе слышался ровный гул вращающихся линз, равнодушных к скалам и не обращающих внимания на волны: в случае бедствия здесь можно было найти приют.

Снова послышался плач. Вдалеке скрипнула дверь маяка, и на галерее появилась высокая фигура — это был Том с биноклем в руках.

— Иззи, там лодка! — закричал он и показал рукой. — Там лодка на берегу!

Том выбежал из галереи, но вскоре появился снова, уже внизу.

— Похоже, в ней кто-то есть! — крикнул он. Изабель поспешила навстречу, и уже вдвоем, держась за руки, они бросились вниз по утоптанной тропинке к маленькому пляжу.

---

* Условное название вод Тихого, Атлантического и Индийского океанов, окружающих Антарктиду. В действующем определении океанов от 1953 года Южного океана нет. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Тут и правда кто-то есть! — сообщил Том. — Господи! Да это мужчина, но...

Человек, распластавшийся на сиденье, не шевелился, но плач по-прежнему доносился откуда-то снизу. Том подскочил к ялику и, подвинув мужчину, нагнулся посмотреть. Когда он выпрямился, в руках у него был сверток: обернутый в мягкий шерстяной женский жакет младенец.

— С ума сойти! — воскликнул он. — Черт меня подери, Иззи! Да это...

— Ребенок! Боже милостивый! Господи, Том! Том! Дай же его скорее сюда!

Том передал ей сверток и осмотрел мужчину — пульса у него не было, — после чего перевел взгляд на Изабель, которая рассматривала крошечное создание.

— Он умер, Изз. Что с ребенком?

— Похоже, с ним все в порядке. Ни царапин, ни ушибов. Какой же он хорошенький! — сказала она, прижимая его к себе. — Ну же, ну, теперь все хорошо, малыш, теперь все позади. Какая же ты крохотуля!

Том стоял не шевелясь и не сводил взгляда с тела мужчины. Несколько раз он крепко зажмурил глаза, чтобы убедиться, что это происходит наяву и ему ничего не привиделось. На руках у Изабель ребенок перестал плакать и лишь изредка судорожно всхлипывал.

— На теле вроде нет никаких ран, и больным он тоже не выглядит. Наверняка умер недавно... даже не верится... — Том помолчал, размышляя. — Отнеси ребенка в дом, Изз, а я чем-нибудь накрою тело.

— Но, Том...

— Притащить его наверх вряд ли получится, так что лучше оставить здесь, пока не подоспелет помощь. А прикрыть тело можно парусиной, что лежит в сарае. —

Он казался совершенно спокойным, но почувствовал, как от оживших призраков прошлого повеяло холодом и по коже пробежали мурашки.

Остров занимал площадь примерно в одну квадратную милю. На нем было достаточно травы, чтобы прокормить несколько овец, коз и кур, и можно было даже развести простенький огород. Из деревьев росли только две высокие сосны, посаженные строителями маяка из Пойнт-Партагеза в 1889 году, то есть больше тридцати лет назад. Старые могилы напоминали о кораблекрушении, случившемся задолго до этого, когда судно «Гордость Бирмингема» напоролось на коварные рифы среди бела дня. На таком же судне был доставлен из Англии и сам маяк, изготовленный фирмой «Чанс бразерз» по последнему слову техники и с гарантией, что его можно установить где угодно, даже в самых суровых краях и труднодоступных местах.

Течения вокруг острова пригоняли, будто засасывая в воронку, невообразимую смесь всего и вся. Среди обломков кораблекрушений, выброшенных на берег, встречались и доски, и деревянные коробки изпод чая, и китовый ус. И посреди всего этого высилась стройная башня маяка, к которой жались остальные постройки, будто пытаясь укрыться от пронизывающих ветров.

Изабель, устроившись за старым столом на кухне, сидела, прижимая малютку к груди. Прежде чем войти, Том неторопливо вытер на крыльце ноги, потом подошел к жене и положил ей на плечо руку.

— Я прикрыл беднягу парусиной. Как малыш?

— Это девочка, — поправила Изабель улыбаясь. — Я искупала ее. Похоже, с ней все в порядке.

Ребенок уставился на него, не переставая сосать из бутылочки.

— Интересно, что она обо всем этом думает? — поинтересовался Том.

— Я дала ей молока, и теперь мы пьем. Верно, маленькая? — заворковала Изабель, переадресуя вопрос ребенку. — Эта девочка просто прелесть, Том, — продолжила она, целуя кроху. — Один Господь знает, что с ней произошло.

Том достал из буфета бутылку бренди, плеснул немного в стакан и залпом выпил. Потом сел рядом с женой и наблюдал, с каким восторгом она разглядывала сокровище у себя в руках. Ребенок не спускал с нее глаз, будто боялся, что Изабель исчезнет, если посмотреть в сторону.

— Ах ты, маленькая, такая крошечная и несчастная, — причитала Изабель, а малютка пыталась уткнуться носом ей в грудь. Том слышал, как голос жены задрожал, и они оба невольно подумали о своей недавней потере.

— Ты ей нравишься, — сказал он. — Если бы только... — Заметив на ее лице боль, он быстро добавил: — Я хотел сказать... я совсем не это имел в виду... Просто ты была бы замечательной матерью.

Он нежно погладил ее по щеке.

— Я знаю, милый, — произнесла она, посмотрев на Тома. — Я знаю, что ты имел в виду. Я чувствую то же самое.

Он обнял жену с ребенком на руках, и она уловила запах бренди.

— Том, как чудесно, что мы нашли ее вовремя!

Том поцеловал ее и коснулся губами лба малютки. Они долго не шевелились, а потом ребенок заерзал и вытащил кулачок из пушистого желтого одеяла.

— Ладно, — сказал Том, поднимаясь и расправляя плечи. — Пойду сообщу, что прибило ялик, и пусть пришлют судно забрать тело. И маленькую мисс.

— Подожди, — остановила его Изабель, перебирая пальчики малютки. — Я хочу сказать, что никакой спешки тут нет. Покойнику уже все равно, а малышка и так наплавалась достаточно. Не надо ее сейчас тревожить. Пусть хоть немного придет в себя.

— Им и так потребуется время, чтобы добраться до острова. С ней все будет в порядке. Тебе даже удалось ее успокоить, такую кроху.

— Давай немного подождем. Все равно это ничего не изменит.

— Я должен сделать запись в журнале. Ты же знаешь, что о таких вещах следует докладывать незамедлительно, — напомнил Том. В его обязанности входило регистрировать все более или менее значительные события, происходившие на маяке и вокруг него, начиная с проплывавших мимо судов и заканчивая проблемами с механизмом.

— Сообщишь утром, ладно?

— А если эта лодка с судна?

— Это ялик, а не спасательная шлюпка, — возразила Изабель.

— А вдруг где-то на берегу ее мать сходит с ума от беспокойства? Представь себя на ее месте.

— Ты же видел жакет. Скорее всего мать упала за борт и утонула.

— Милая, мы понятия не имеем, что с ее матерью. И кто этот мужчина.

— Но такое объяснение напрашивается само собой, разве нет? Младенцы не сбегают от родителей.

— Иззи, мы не знаем, что случилось. Мы ничего не знаем.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы младенцы уплывали от матерей? — Она еще крепче прижала малытку к груди.

— Иззи, это не шутки. Тот мужчина мертв.

— А девочка жива! Пожалей ее, Том.

В голосе жены звучала такая мольба, что Том не решился настоять на своем. Может, ей и правда нужно просто побыть с ребенком чуть дольше. Неужели он откажет Изабель в такой малости после всего, что ей пришлось пережить? В наступившей тишине она не сводила с него умоляющего взгляда.

— Ладно, если уж так необходимо... — неохотно протянул он. — Думаю, до утра это может подождать. Но утром — обязательно! Как только выключу маяк.

Изабель поцеловала Тома и сжала его руку.

— Мне надо вернуться на маяк. Я так и не поменял пароотводную трубку, — сказал он.

Шагая по тропинке, он слышал, как Изабель принялась напевать песенку про девушку, просившую ветер дуть с юга, чтобы к ней скорее вернулся суженый. Хотя мелодия была вовсе не грустной, но улучшить ему настроение не смогла. Поднимаясь по ступенькам наверх, он никак не мог отделаться от ощущения совершенной ошибки.

Глава 1

16 декабря 1918 года

— Да, я понимаю, — подтвердил Том Шербурн. Он сидел в скромно обставленном кабинете, где было так же душно, как и на улице. По стеклу барабанили кап-

ли летнего сиднейского дождя, заставлявшего прохожих ускорять шаг.

— Я не шучу, когда говорю, что жизнь там не сахар. — Мужчина, сидевший за столом напротив, кивнул для убедительности головой. — И совсем не похожа на развлекательную прогулку. Байрон-Бей — не самое плохое место в ведении Маячной службы, но я хочу быть уверенным, что ты понимаешь, как там будет. — Утрамбовав табак в трубке большим пальцем, он раскурил ее.

Из заполненной Томом анкеты вырисовывалась типичная для тех лет биография: родился 28 сентября 1893 года, воевал на фронте. Владеет МСС — Международным сводом сигналов — и азбукой Морзе, физически здоров и крепок, уволен с военной службы с отличной аттестацией. Согласно инструкции, предпочтение при приеме на работу следовало отдавать бывшим фронтовикам.

— Вряд ли... — Том запнулся, но все-таки сказал: — При всем уважении, мистер Кафлэн, там вряд ли будет труднее, чем на Западном фронте.

Мужчина полистал увольнительные документы и поднял глаза на Тома, будто хотел прочесть что-то по его лицу.

— Нет, сынок, не труднее. В этом, думаю, ты прав, — согласился он и принялся вводить в курс дела: — До места назначения добираться за свой счет. Работа вахтовая, поэтому выходных тебе не положено. Постоянные сотрудники имеют право на месячный отпуск по истечении трех лет службы. — Он достал толстую ручку и подписался на формуляре, после чего, прижав печать к штемпельной подушке, поставил ее в трех раз-

ных местах. — Добро пожаловать в Маячную службу Содружества.

На бланке блестела дата, выведенная еще не успевшими высохнуть чернилами: 16 декабря 1918 года.

За шесть месяцев пребывания в Байрон-Бей у побережья Нового Южного Уэльса, где жили еще два зрителя с семьями, Том постиг все нехитрые премудрости профессии, после чего отправился на смену на остров Маатсукер к югу от Тасмании, где почти всегда лил дождь, а штормы были такой силы, что сдували кур в море.

Работа смотрителем маяка оставляла Тому Шербурну много времени для раздумий о войне. Он вспоминал лица товарищей, подставлявших плечо и не раз спасавших ему жизнь, вспоминал лица умиравших, чьи прощальные слова было не разобрать, но он все равно согласно кивал, слушая их.

Тома миновала судьба тех, кому снаряды рвали сухожилия на ногах или вспарывали живот, откуда вываливались кишки, похожие на ком скользких угрей. Его легкие и мозг не были превращены в кисель отравляющим газом. Но, как и у любого человека, прошедшего горнило войны, она оставила в душе незаживающие раны, накрывая тенью черного облака всю последующую жизнь.

Он старался не думать о ней, зная, как много людей так и не смогли взять себя в руки и превратили свое существование в постоянный кошмар. Он старался отвлечься от мучительных переживаний, природу которых невозможно описать словами. Когда ему снились те годы, он себе представлялся мальчиком лет восьми с заляпанными кровью руками. Этот маленький маль-

чик противостоял взрослым дядям с винтовками и штыками и переживал, что никак не мог подтянуть сползшие носки, в которых ходил в школу: для этого надо было выпустить из рук винтовку, а она тяжелая и все время норовила выскользнуть из рук. И еще он никак не мог найти свою маму.

Потом он просыпался, и кругом только ветер, волны и маяк с хитроумным механизмом, поддерживавшим огонь и вращавшим линзы. И он снова оглядывался назад.

Если бы удалось укрыться от людей и воспоминаний, время бы наверняка излечило все раны.

Сидней, где прошло детство Тома, разделяли от Януса тысячи миль. И маяк, располагавшийся на острове, был последним напоминанием об Австралии, которое видели новобранцы с борта военного транспорта, увозившего их в Египет в 1915 году. После отплытия из Албани в морском воздухе еще долго стоял запах эвкалипта, а когда он исчез, Том вдруг с болью ощутил потерю чего-то важного, о существовании которого он раньше даже не подозревал. А спустя много часов появился маяк — самый отдаленный кусочек родины. И свет его луча, похожий на прощальный поцелуй, запечатлелся в памяти на долгие военные годы. Когда в июне 1920 года Том узнал об открывшейся там вакансии смотрителя, он расценил это как личное приглашение старого знакомого.

Остров Янус, оседлавший континентальный шельф, считался одним из самых непривлекательных мест работы во всей Маячной службе. Хотя из-за тяжелых условий за работу там и платили по самой высокой ставке, но бывалые смотрители уверяли, что овчинка вы-